

Аркадий Аверченко

О хороших, в сущности, людях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-7
ББК 84-7
А19

А19

Аверченко А.Т.

О хороших, в сущности, людях / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-458-17148-9

Четвертое издание. Сборник "короля смеха" - Аркадия Аверченко. Его миниатюры полны комизма, веселого и беззлобного смеха, а юмор, основанный на здравом смысле, обладает целебными свойствами от уныния и тоски.

ISBN 978-5-458-17148-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

должны быть «помъщики большой руки».

— Что жъ, долго еще тянулись «земли помъщика Щербакина»? — недовѣрчиво спросилъ я.

— Да до самаго обѣда слѣдующаго дня. Тутъ какъ разъ другой пароходъ подошелъ, насы съ мели сняль, побѣхали мы — тутъ скоро Щербакинскія земли и кончились.

— А вы долго на мели просидѣли? — спросилъ рыжій старики.

— Да, сутки съ лишнимъ. Чуть не два дня. Волга то лѣтомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ мелѣеть, что хоть плачь. Чуть пароходъ мелко сидигъ въ водѣ — сразу же и сядеть. Которые глубоко сидѣть въ водѣ, тѣмъ легче...

— То-есть, наоборотъ, — поправит, рыжій.

— Ну, да, то-есть, наоборотъ, которые мельче пароходы, тѣмъ труднѣе, а глубокіе ничего ... Да-съ. Вотъ вамъ и Ротшильдъ!

Я всталъ, отозвалъ хозяйку въ сторону и сказалъ:

— Ради Бога! Откуда у васъ появился этотъ осель? Марья Игнатьевна немножко обидѣлась.

— Почему же осель? Человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Но вѣдь у него мозги чугунные.

— Не всѣмъ же быть писателями и сочинять раз сказы, — сухо замѣтила она. — Во всякомъ случаѣ, онъ приличный человѣкъ, хотя звѣзды съ неба и не хватаетъ.

Я пожаль плечами, отошелъ отъ нея и подошелъ сейчасъ же къ отбившемуся отъ компаніи ста-ричку въ вицмундирѣ, съ какой-то бѣлой звѣздой, выглядывавшей изъ подъ лацкана вицмундира.

— Кто такой этотъ Бельмесовъ? — нетерпѣливо спросилъ я.

— А какъ же! У насы же служить.

— Да чѣмъ? Что онъ дѣлаетъ?

— А какъ же. Инспекторомъ у насы въ уѣздномъ училищѣ. Гдѣ я директоромъ состою. Дока.

— Это онъ-то дока?

— Онъ. Вы бы посмотрѣли, какъ онъ на экзаменахъ учениковъ спрашиваетъ. Любо-дорого по-смотрѣть. Ужъ его не надуешь, не проведешь за носъ. Онъ, какъ говорится, достанетъ. Посмотрѣли бы вы, какимъ онъ орломъ на экзаменѣ...

— Много бы я далъ, чтобы посмотрѣть! — вырвалось у меня.

— Въ самомъ дѣлѣ хотите? Это можно устроить. Завтра у насы, какъ разъ, экзамены, — приходите. По стороннимъ, правда, нельзя, но мы васъ за какого-нибудь почетнаго попечителя выдадамъ. Вы же, кстати, и пишете — вамъ любопытно будетъ... Среди учениковъ такие типы встрѣчаются ... Умора! Смот-рите, только насы не опишите! Хе-хе! Вотъ вамъ и адресокъ. Право, пріѣзжайте завтра. Мы гласности не боимся.

III.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, сидѣло пятеро. Посрединѣ любезный ста-рикъ съ бѣлой звѣздой, а справа отъ него торжественный, свѣже-накрахъ маленій Бельмесовъ, Иванъ Демьянычъ. Я вскользь осмотрѣлъ остальныхъ и скромно усѣлся сбоку на стулъ.

Солнце бѣгало золотыми зайчиками по столу, по потолку и по круглымъ стриженнымъ головѣн-камъ учениковъ. Въ открытое окно заглядывали темнозеленые вѣтки старыхъ деревьевъ и привѣтливо, ободрительно кивали дѣтямъ: «ничего, молъ. Все на свѣтѣ перемелется — мука будетъ. Бодритесь, дѣтки .. .»

— Кувшинниковъ, Иванъ, — сказалъ Бельмесовъ. А подойди къ намъ сюда, Иванъ Кувшинниковъ ... Вотъ такъ. — Сколько будетъ пятью-шесть, Кувшинниковъ, а?

— Тридцать.

— Правильно, молодецъ. Ну, а сколько будетъ, если помножить пять деревьевъ на шесть лошадей? Мучительная складка перерѣзала загорѣлый лобъ Кувшинникова Ивана.

— Пять деревьевъ на шесть лошадей? Тоже тридцать.

— Правильно. Но тридцать — чего? Молчаль Кувшинниковъ.

— Ну, чего же — тридцать? Тридцать деревьевъ или тридцать лошадей?

У Кувшинникова зашевелились губы, волосы на головѣ и даже уши тихо затрепетали.

— Тридцать ... лошадей.

— А куда же дѣвались деревья? — иронически прищурился Бельмесовъ. — Не хорошо, тезка, не хорошо... Было всего шесть лошадей, было пять деревьевъ и вдругъ — на тебѣ! — тридцать лошадей и ни одного де рева ... Куда же ты ихъ дѣлъ?! Съ кашей съѣль или лодку себѣ изъ нихъ сдѣлалъ?

Кто-то на задней партѣ печально хихикнулъ. Въ смѣхѣ слышалось тоскливо предчувствіе собст-венной гибели.

Ободренный успѣхомъ своей остроты, Иванъ Демьянычъ продолжалъ:

— Или ты думаешьъ, что изъ пяти деревьевъ вый дуть двадцать четыре лошади? Ну, хорошо: я тебѣ дамъ одно дерево — сдѣлай ты мнѣ изъ него четыре лошади. Тебѣ это, очевидно, легко, Кувшинниковъ, Иванъ, а? Что жъ ты молчишь, Иванъ, а? Печально, печально. Плохо твое дѣло, Иванъ. Ступай, братъ!

— Я знаю, — тоскливо промямлил Кувшинниковъ. — Я училь.

— Вѣрю, милый. Училь, но какъ? Плохо училь. Безмысленно. Безъ разсужденія. Садись, братъ, Иванъ. Кулебякинъ, Илья! Ну... ты намъ скажешь, что такое дробь?

Дробью называется часть какого-нибудь числа.

Да? Ты такъ думаешь? Ну, а если я набью ружье дробью, это будетъ часть какого числа?

— То дробь не такая, — улыбнулся блѣдными губами Кулебякинъ. — То другая.

— Откуда же ты знаешь, о какой дроби я тебя спросиль? Можетъ быть, я тебя спросиль о ружейной дроби? Вотъ если бы ты былъ, Кулебякинъ, умнѣе, ты бы спросиль: о какой дроби я хочу знать: о простой или ариѳметической?.. И на мой утвердительный отвѣтъ, что — о послѣдней — ты долженъ быть отвѣтить: «арифметической дробью называется — и такъ далѣе» ... Ну, теперь скажи ты намъ, какія бывають дроби?

— Простая бывають дроби, — вздохнулъ обезкураженный Кулебякинъ, — а также десятичныя.

— А еще? Какая еще бываетъ дробь, а? Ну, скажи-ка?

— Больше нѣть, — развелъ руками Кулебякинъ, будто искренно сожалѣя, что не можетъ удовлетворить еще какой-нибудь дробью ненасытнаго экзаменатора.

— Да? Больше нѣть? А вотъ если человѣкъ тан цуетъ, и ногами дробь выдѣлываетъ — это какъ же? По твоему, не дробь? Видишь ли что, мой милый... Ты, можетъ быть, и знаешь ариѳметику, но русскаго языка нашего великаго, разнообразнаго и могучаго русскаго языка — ты не знаешь. И это намъ всѣмъ печально. Ступай, братъ, Кулебякинъ, и на свободѣ кое о чёмъ подумай, братъ, Кулебякинъ. Лысенко! Вотъ ты, Лысенко, Кондратій, скажешь намъ, что тебѣ извѣстно о цѣпномъ правилѣ? Ты знаешь цѣпное правило?

— Знаю.

— Очень хорошо-сь. Ну, а цѣпное исключеніе тебѣ извѣстно?

Лысенко метнулъ въ сторону товарищей испуганнымъ глазомъ и, повѣшивъ голову, умолкъ.

— Ну, что же ты, Лысенко? Вѣдь говорять же: нѣть правила безъ исключений. Ну, вотъ ты мнѣ и отвѣтъ: есть въ цѣпномъ правилѣ цѣпное исключеніе?

Стараясь не шумѣть, я отодвинулъ стулъ, тихонъко всталъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, направился къ выходу.

Любезный директоръ съ бѣлой звѣздой тоже всталъ, догналъ меня въ передней и сказалъ, подмигивая на экзаменаціонную комнату:

Ну, какъ?.. Не говориль ли я, что дока. Такъ и хапаетъ, такъ и рѣжетъ. Орель! Да только, жалко, не жилецъ онъ у насъ... Переводяты съ повышеніемъ въ Харьковъ. А жалко... Я ужъ не знаю, что мы безъ него и дѣлать будемъ? .. Безъ орла-то!

МНЕМОНИКА ВЪ ОБИХОДѢ.

... Я отхлебнуль глотокъ ликера изъ тонкой хрупкой рюмочки и, разнѣженній, утомленный плотнымъ завтракомъ, спросилъ со сладкой истомой:

— Значить, завтра утромъ вы мнѣ позовите по телефону?

— Да, да, конечно, — отвѣтилъ мнѣ пріятель. — А, кстати, — какой номеръ вашего телефона?

— Хорошо, что вспомнили — въ книжкѣ онъ не значится. Запишите: пятьдесятъ четыре — двадцать шесть.

Пріятель пожалъ плечами съ выраженіемъ заправскаго лѣнтя:

— Зачѣмъ же записывать? Я и такъ запомню. Какъ вы говорите?

— Пятьдесятъ четыре — двадцать шесть. Онъ вслушался внимательно въ эту цифру и медленно повторилъ:

— Пять-де-сять че-ты-ре двад-цать шесть. Для одного человѣка немнogo.

— Не забудете? — спросить я недовѣрчиво.

— Ну, чего жъ тутъ забывать. Дѣло простое: шесть десять четыре — двадцать шесть.

— Не шестьдесятъ четыре, а пятьдесятъ четыре.

— Ага! Пятьдесятъ четыре ... Значить, такъ: первая половина пятьдесятъ четыре, вторая двадцать шесть; значитъ, первая половина вдвое больше второй.

Что вы! Вторая половина, умноженная на два, даетъ не пятьдесятъ четыре, а только пятьдесятъ два.

— Ага! — согласился пріятель глубокомысленно. Тогда это просто: значитъ, вторая половина множится на два и къ произведенію прибавляется два. Видите, какъ просто.

— Въ этой простотѣ есть недостатокъ, — критически заявилъ я. — По вашей системѣ вы можете звонить по но меру двадцать шесть — двѣнадцать.

— Ну, что вы! Почему?

— То же самое выйдетъ: вторая половина множится на два и къ произведенію прибавляется два.

— Ахъ, чортъ возьми, дѣйствительно... Какой вы говорите, вашъ номеръ?

— Пятьдесятъ четыре — двадцать шесть.

— Ну, вотъ. Значить, первымъ долгомъ нужно укрѣпить въ памяти вторую половину номера и отсюда уже исходить. Вторая половина — какая?

— Двадцать шесть.

— Прекрасно. Цыфра двадцать шесть. Какъ же ее запомнить? Предположимъ, у меня на рукахъ и на ногахъ двадцать пальцевъ ... Затѣмъ — шесть. Какъ же запомнить шесть?

— Запомните, — посовѣтоваль я, — что шесть это перевернутое девять.

— Вы думаете? — спросилъ пріятель сосредоточенно. — Нѣть, это не годится: если шесть суть перевернутое кверху ногами девять, то и девять суть перевернутое кверху ногами шесть.

Я, какъ мнѣ показалось, нашелъ выходъ.

— Знаете что? Возьмите карандашъ, клочокъ бу мажки и запишите.

— Нѣть, зачѣмъ же. Можно и такъ запомнить. Вы видите, какъ просто: для того, чтобы найти первую половину цыфры, нужно вторую половину помножить на два и прибавить двойку же. Теперь весь вопросъ, какъ запомнить вторую половину... Гм! Предположимъ, двадцатипятирублевая бумажка и серебряный рубль... Итого двадцать шесть...

— Сложно, — забраковалъ я. — Сколько вамъ лѣть?

— Тридцать два.

— Тридцать два? Такъ, такъ... Значить, если вычтемъ изъ тридцати двухъ двадцать шесть, у насъ получится ... шесть! Видите? Значить, вычитая изъ цыфры вашихъ лѣть цыфру шесть, вы получите искомую вторую половину.

— Это, конечно, хорошо, но какъ я запомню цыфру шесть?

— Ну, вотъ... такого пустяка не запомните!

Конечно. Почему шесть, а не восемь, не пять? .

Ну, можно запомнить такъ: у васъ на рукѣ пять пальцевъ и... ну, и еще серебряный рубль.

— Нѣть, этакъ, пожалуй, запутаешься: тридцать два го да, пять пальцевъ и одинъ рубль. Какъ это такъ возможно: изъ моего возраста вычитать пять пальцевъ? Абсурдъ!

— Тогда запоминайте сами, — обиженно возразилъ я.

— И запомню.

— Человѣкъ! Дайте вмѣсто этой сладкой дряни какого-нибудь другого ликера. Бенедиктину, что ли.

— Вотъ и запомниль, — обрадовался пріятель. — Вторая половина вашего телефона — равняется количеству буквъ въ словъ «бенедиктинъ».

— Что вы! Тамъ нужно тринадцать, а въ словъ «бенедиктинъ» всего одиннадцать буквъ.

— Ну, значит, прибавить къ количеству буквъ въ словѣ «бенедиктинъ» еще цыфру два и помножить на два.

— Ой-ой, какъ сложно! Вы потомъ такъ запутаетесь, что съ ума сойдете. Я вамъ совѣтую запомнить не «бенедиктинъ», а «бенедиктинчикъ». Во-первыхъ, оно звучить ласковѣе, а, во-вторыхъ, оно имѣеть ровно тринадцать буквъ.

Онъ сосредоточенно нахмурился.

— Какъ вы говорите? Бенедиктинчикъ ... Чортъ знаетъ, какое глупое слово. Значить, два бенедиктинчика, помноженные на два, плюсъ цыфра два... Нѣть, эту систему придется бросить. Подойдемъ съ другой стороны. Какой номеръ вашего телефона?

— Пятьдесятъ четыре — двадцать шесть.

— Мой отецъ умеръ пятидесяти семи лѣтъ, а старшая сестра двадцати одного года. Пятьдесятъ семь — два дцать одинъ ... Значить, отецъ умеръ на три года позже телефона, а сестра не дотянула до второй половины вашего телефона на пять лѣтъ.

— Зачѣмъ вы трогаете покойниковъ! — кротко упрекнуль я. — И какъ сестра ваша могла «не дотянуть до второй половины моего телефона на пять лѣтъ». Нѣть, это можно сдѣлать гораздо проще: сумма цыфры пятидесяти четырехъ равняется девятыи, и сумма цыфры двадцати шести равняется восьми.

— Ну? — скептически протянуль пріятель.

— А сумма цыфры восьми и девяти равняется семнадцати.

— Ну-съ? — ледянымъ тономъ поощряль пріятель.

— А сумма цыфры семнадцати равняется... восьми.

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

Я растерялся подъ его холоднымъ взглядомъ ...

— Ну, значитъ, восемь ... Запомните цифру восемь. Пять и три ... или четыре и четыре...

— Ну-ссссъ? ..

— Я не могу такъ, когда вы на меня смотрите иронически. Вы меня нервируете!.. Тогда считайте сами.

— Сдѣлайте одолженіе! Я уже знаю; это очень просто. Крымская война была въ которомъ году?

— Въ Пятьдесятъ четвертомъ.

— Ну, вотъ вамъ! Если теперь мы изъ Тридцаталѣтней войны вычтемъ цифру четыре ... Гм ... Только какъ бы мнѣ запомнить цифру четыре?

Онъ сталъ раздражать меня.

— Очень просто, — усмѣхнулся я. — Вычтите изъ пяти пальцевъ серебряный рубль. Онъ холодно возразилъ:

— Эту систему мы уже забраковали.

— Такъ запишите въ книжку просто цифру четыре. — Дѣйствительно... — обрадовался онъ, но тотчасъ же, замѣтивъ мою ядовитую улыбку, спохватился; — нѣть, зачѣмъ же записывать... я и такъ запомню... Гм ... Четыре ... Нашель! Четыре страны свѣта! Итакъ: Крымская война, а затѣмъ Тридцатилѣтняя, минусъ четыре страны свѣта. Вотъ видите, какъ просто!

Встрѣтился я съ нимъ черезъ три дня въ фойѣ театра.

— Что жь это вы, — съ упрекомъ сказалъ я. Обѣщали позвонить, я сидѣль, ждалъ, какъ дуракъ, а вы и думать забыли?

Въ его голосѣ прозвучало плохо скрытое раздраженіе.

— А вы-то тоже хороши ... Я не зналъ, что вы даете номера телефоновъ вашихъ возлюбленныхъ!!

|— Вы ... въ умѣ?

— Вотъ вамъ и въ умѣ. Позвонилъ я, спрашиваю: «это номеръ пятьдесятъ четыре — два?» — «Да», — говорить мужской голосъ. Я, конечно, прошу васъ: «позвоните, говорю, Илью Ивановича Брандукова». — Вдругъ мужской голосъ какъ заоретъ: «убирайтесь къ чорту съ вашимъ Брандуковыムъ. Я и такъ догадывался о его шашняхъ съ моей женой, а тутъ еще и по телефону сюда къ нему, какъ домой, звонять. Скажите, что я его отколочу при первой же встрѣчѣ!!». Я разозлился не на шутку.

— А кой чортъ просиль въсъ звонить по телефону пятьдесятъ четыре — два, когда мой телефонъ пятьдесятъ четыре — двадцать шесть.

— Ну-у? .. — Да позвольте ... Вѣдь я запоминаль;

Крымская война. Такъ?

— Такъ.

— Потомъ Семилѣтняя.

— Тридцатилѣтняя, чортъ въсъ подери, Тридцатилѣтняя.

— Что вы говорите?! То-то, когда я вычель пять частей свѣта...

— Вотъ идіотство!! Не пять частей свѣта, а *четыре страны свѣта*. Если память куриная, нужно было не тянуть жилы, а просто вынуть карандашъ, да и записать номеръ телефона!! Записать, а не ссорить меня съ номеромъ пятьдесятъ четыре — два!!

Разозлился и онъ.

— И вы-то тоже хороши! Позвонилъ я по первому попавшемуся номеру и сразу наткнулся на вашу любовную исторію. Значить, по теорії вѣроятности, если въ Петербургѣ шестьдесятъ тысячъ телефоновъ ...

— О, — скромно возразиаъ я. — Вы забываете торговыя учрежденія, банки и департаменты ... Но онъ и тутъ меня срѣзаль.

— Э, милый мой! Теперь и въ департаментахъ женщины служать!

Противъ этого ничего нельзя было возразить,

МОПАССАНЪ.
(Романъ въ одной книгѣ.)

I.

Недавно, часовъ въ двѣнадцать утра, моя горничная сообщила, что меня спрашиваетъ по дѣлу горничная господина Звѣрюгина.

Василій Николаевичъ Звѣрюгинъ считался моимъ пріятелемъ, но, какъ всегда случается въ этомъ нелѣпомъ Петербургѣ, съ самыми лучшими пріятелями не встрѣчаешься года по два.

Звѣрюгина не видѣлъ я очень давно, и поэтому неожиданное полученіе вѣсточки о немъ, да *еще* черезъ горничную, очень удивило меня.

Я вышелъ въ переднюю и спросилъ:

— А, что, милая, какъ поживаетъ вашъ баринъ? Здоровъ?

— Спасибо, они здоровы, — сверкнувъ черными глазами, отвѣтила молоденькая, очень недурной наружности, горничная.

— Такъ, такъ... Это хорошо, что онъ здоровъ. Здоровье прежде всего.

— Да ужъ здоровье такая вещь, что дѣйствительно.

— Безъ здоровья никакъ не проживешь, — вставила свое слово и моя горничная, вѣжливо кашлянувъ въ руку.

— Большой человѣкъ ужъ не то, что здоровый, — благосклонно отвѣтила моей горничной горничная Звѣрюгина.

— Гдѣ ужъ!

Выяснивъ всесторонне съ этимъ двумя разговорчивыми дѣвушками вопросъ о преимуществѣ человѣческаго здоровья надъ болѣзнями, я, наконецъ, спросилъ пришлую горничную:

— А зачѣмъ баринъ васъ прислалъ ко мнѣ?

— Какъ же, какъ же! Они записку вамъ прислали. Отвѣта просили.

Я вскрылъ конвертъ и прочелъ слѣдующее странное посланіе:

— «Прости, дорогой Аркадій, что я долго не отвѣчалъ тебѣ. Дѣло въ томъ, что когда мы въ прошломъ году встрѣтились случайно въ театрѣ Корша, ты спросить у меня, не могу ли я тебѣ одолжить сто рублей, такъ какъ ты, по твоимъ словамъ, не могъ получить изъ банка по случаю праздника денегъ. Къ сожалѣнію, у меня тогда не было такихъ денегъ, а теперь есть и, если тебѣ надо, я могу прислать. Я знаю, какъ ты аккуратенъ въ денежныхъ дѣлахъ. Такъ вотъ, напиши мнѣ отвѣтъ. Пиши побольше, не стѣсняйся. Моя горничная подождетъ. Твой Василискъ».

— Судя по письму, — подумалъ я, — этотъ Василискъ или сейчасъ пьянъ, или у него начинается прогрессивный параличъ.

Я написаю ему вѣжливый отвѣтъ съ благодарностью за такую неожиданную заботливость о моихъ дѣлахъ и, передавая письмо горничной, спросилъ:

— Вашъ баринъ, навѣрное, тутъ же живеть, на Троицкой?

— Нѣтъ-съ. Мы живемъ на двадцать первой линіи Васильевскаго Острова.

— Совершенно невѣроятно! Вѣдь это, кажется, у чорта на куличкахъ.

— Да-съ, — вздохнула горничная. — Очень далеко. Прощайте, баринъ! Мнѣ еще въ два мѣста заѣхать надо.

II.

На третій день послѣ этого визита горничная около часу дня снова доложила мнѣ:

— Васъ спрашиваетъ горничная господина Звѣрюгина.

— Опять?! Что ей надо?

— Письмо отъ ихняго барина.

— Впустите ее. Здравствуйте, милая. Ну, какъ дѣла у вашего барина?

— Дѣла ничего, спасибо. Дѣла хорошия. Да ужъ плохія дѣла — это не дай Господь.

Моя горничная тоже согласилась съ нею:

— Хорошія дѣла когда, такъ лучше и хотѣть не надо. Отдавъ дань этикету, мы помолчали.

— Письмо? Ну, давайте.

— «Радуюсь за тебя, дорогой Аркадій, что деньги тебѣ сейчасъ не нужны. Между прочимъ: когда ты былъ весной прошлаго года у меня, то забылъ на подзеркальникѣ пачку газетъ («Нов. Время», «Рѣчь» и Друг.), а так же проспектъ фирмы кроватей «Санитасъ». Это все у меня случайно сохранилось. Если тебѣ нужно — напиши. Пришлю. Обнимаю тебя. Ну, какъ вообще? Пиши по больше. У тебя такой чудесный стиль, что пріятно читать. Любящій Василискъ».

Я отвѣтилъ ему:

— «Три года тому назадъ однажды въ ресторанѣ «Малоярославецъ» ты спросилъ меня: который часъ? Къ сожалѣнію, у меня тогда часы стояли. Теперь я имѣю возможность отвѣтить тебѣ на твой вопросъ. Сейчасъ че тверть второго. Не стоить благодарности. Что же касается газетъ, то, конечно, я хожу безъ нихъ самъ не свой, но изъ дружбы къ тебѣ могу ими пожертвовать. Именно — передай ихъ своей гор-

ничной. Пусть она обернеть тебя ими и подожжетъ въ тотъ самый моментъ, когда ты ее снова погонишь за не менѣе важнымъ дѣломъ. Спи только на кроватяхъ фирмы Санитасъ!»

— Скажите, милая, — спросилъ я, передавая горничной письмо, — вы только ко мнѣ ъздите или еще къ кому?

— Нѣть, что вы, баринъ! У меня теперь очень много дѣла. Мнѣ еще нужно съѣздить сегодня на Безбородкинскій проспектъ, а потомъ въ Химическій переулокъ. Это гдѣ-то на Петергофскомъ шоссе.

— Чортъ знаетъ что! А въ Химическій переулокъ нужно не къ Бройдесу ли?

— Да-съ, къ господину Бройдесу.

— Ага! Такъ этотъ Бройдесъ черезъ часъ будетъ у меня. Оставьте ему письмо, я передамъ.

— Премного благодарю. А то это дѣйствительно ... Отсюда часа полтора...

III.

Пріѣхаль Бройдесъ.

— Данила, — сказалъ я. — Вотъ тебѣ письмо отъ Звѣрюгина.

— Ты знаешь, этотъ Звѣрюгинъ — онъ съ ума со шель, — пожаль плечами Бройдесъ. — Его вдругъ обуяла самая истерическая деликатность, внимательность и аккуратность. Онъ буквально заваливаетъ меня письмами. Я бы на мѣсть его горничной давно сбѣжалъ.

— Онъ и тебѣ тоже пишетъ?

— А развѣ и тебѣ? Представь себѣ, третьяго дня я получиль письмо съ запросомъ: не знаю ли я, гдѣ нахо дится главное управлениѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, — справку, которую можно навести въ любой телефонной книгѣ, у любого городового. А вчера присылаетъ мнѣ рубль восемьдесятъ копеекъ, съ письмомъ, въ которомъ сообщаетъ, что вспомнилъ, какъ мы съ нимъ въ прошломъ году ъздили на скачки въ Коломяги и я, якобы, платиль за моторъ три рубля шестьдесятъ копеекъ. Я увѣренъ, что съ нимъ дѣлается что-то нехорошее ...

— Посмотри-ка, что онъ тебѣ сегодня пишетъ. Бройдесъ прочель:

— «Дорогой Данила! У меня къ тебѣ большая просьба: не знаешь ли ты адресъ Аркадія Аверченко — никакъ я не могу его отыскать, а очень нужно. Напиши, какъ поживаешь. Не стѣсняйся писать побольше (у тебя замѣчательный стиль), а горничная подождетъ».

Мы взглянули другъ на друга.

— Тутъ дѣло нечисто. Человѣкъ пишеть мнѣ почти каждый день письма, получаетъ на нихъ отвѣты и въ то же время справляется, гдѣ я живу! Данила! Этотъ человѣкъ или очень боленъ, или здѣсь кроется какой-нибудь ужасъ.

Бройдесъ всталъ.

— Ты правъ. Ёдемъ сейчасъ же къ нему. Вызови таксомоторъ — онъ живеть, чортъ знаетъ, гдѣ!

IV.

Мы звонили у параднаго минутъ десять — изъ квартиры Звѣрюгина не было никакого отвѣта.

Наконецъ, когда я энергично постучалъ въ дверь кулакомъ и крикнулъ, что иду въ полицію, дверь пріотворилась, и въ щель просунулась растрепанная голова полураздѣтаго Звѣрюгина. Онъ былъ встревоженъ, но, увида нась, успокоился.

— Ахъ, это вы! Я думаль — горничная. Тсcc! Тише. Идите сюда и раздѣньтесь. Въ тѣ комнаты нельзя.

— Почему?! — въ одинъ голосъ спросили мы.

— Тамъ ... дама!

Я брошль косой взглядъ на Бройдеса.

— Ты понимаешь, Данила, въ чёмъ дѣло?

— Да ужъ теперь ясно, какъ день. Только послушай, Вася... Какъ тебѣ не стыдно гонять бѣдную дѣвушку по всему Петербургу отъ одного края до другого? Неужели ты не могъ бы запирать ее на это время въ кухнѣ?

— Да, попробуй-ка, — жалобно захныкалъ Васи лискъ Звѣрюгинъ. — Это такая бѣшеная ревнивица, что сразу пойметъ, въ чёмъ дѣло, и разнесеть кухню въ куски.

— Вотъ... оно ... что! — съ разстановкой сказалъ Бройдесъ. — Бѣдная дѣвушка! Вотъ всѣ вы такие мужчины подлецы: обольстите нась, бѣдныхъ женщинъ, сорватите, опутаете сладкими цѣпями, а потомъ гоняете съ Химическаго переулка на Троицкую, проводя это время въ объятяхъ разлучницы. Такъ, что ли?

Такъ, — блѣдной улыбкой усмѣхнулся Звѣрюгинъ.

Я усѣлся безъ приглашенія на стуль и спросилъ:

— Скажи, у тебя нѣть еще какихъ-нибудь друзей, кромѣ нась? Онъ поняль.

Есть-то есть, да они или близко живутъ, или уже я все у нихъ узналь и все имъ возвратиль, что было воз можно. Вы не можете представить, какой я сталъ аккуратный: за эти нужные мнѣ три часа въ день я возвратиль по принадлежности всѣ когда-то взятыя и зачитанныя мною книги, я отвѣтиль на всѣ письма, на которыхъ не отвѣчалъ по три года, я возвращалъ долги, вспоминая все до послѣдней копейки! Я

просто даже спрашивался о здоровье моих милых, моих дорогих, моих чудесных друзей! И я теперь обращаюсь к вам: придумайте что-нибудь для моей горничной... Что-нибудь на три часа! Моя фантазия изсякла.

Я подошла к столу, взяла какую-то книгу и сказала:

— Ладно! Это какая книга? Мопассан? Том третий? Завтра же пришли мне эту книжку... Слышишь? Мне она очень нужна. Через час я ее верну тебе. Это ничего, что горничная подождет? И ничего, что ты мне пришлешь эту книгу также и послезавтра?

— О, пожалуйста, — засмеялся он. — Она, все равно, полуграмотная, моя Катя, — и в этих дьялах ничего не понимает. Скажи ей, что это корректура, что ли. Ей ведь все равно.

V.

Каждый день аккуратно бывшая Катя привозила мне том третий Мопассана.

— Ну, как погода? — спрашивала я.

— Ничего, барин. Погода теплая, солнышко.

— Чудесно! Терпеть не могу, когда холодно и идет дождь.

— Что уж тут хорошего. Одна неприятность. А моя горничная добавляла:

— В дождь-то совсем нехорошо. Одна грязь чего стоит.

— А как же! Кому такое приятно?! Я брал Мопассана и уходил в кабинет читать газеты или просматривать редакционные письма.

Часа через полтора выходил в кухню и снова возвращался Мопассана.

— Готово. Поблагодарите барина и кланяйтесь ему. Скажите, чтобы завтра обязательно прислать — это, брат, очень нужная вещь!

— Хорошо-с. Передам.

Мопассан за три недели порядочно поистрепался. Образ книги засалился и обложка потемнела. Через три недели книжка не появлялась у меня подряд четыре дня, потом, появившись однажды, исчезла на целую неделю, потом ей не было десять дней... Самый длительный срок был полтора месяца. Катя принесла мне ее в тот раз, будучи в очень веселом настроении, сияющая, оживленная:

— Барин просили меня сейчас же возвращаться, не дожидаясь. Книжку я оставил; когда-нибудь зайду. Да так и не зашла. Это было, очевидно, *tam* последнее — самое краткое свиданье.

Это была ликвидация.

Счастливица — ты, Катя! Бывшая ты — та, другая!

Желает и коробится обложка Мопассана. Лежит эта книга на шкафу, уже ненужная, и покрывается она пылью.

Это пыль тленя, это смерть.

ДѢЛО ОЛЬГИ ДЫБОВИЧЪ.

Посвящается
А.И. Куприну.

I.

... Когда все уже было съѣдено, выпито, когда всѣ откинулись на спинки стульевъ и задымили папиросами, — Рѣзуновъ хлопнулъ рукой по столу и сказалъ:

— Хотите чего-нибудь острого?
— Давай! — поощрила компания.
— Сейчасъ приведу его!
— Кого? Кого?!

Но Рѣзуновъ уже выскочилъ изъ кабинета к помчался въ общий залъ ресторана.

— Этотъ Рѣзуновъ вѣчно придумаетъ какую-нибудь глупость, — укоризненно проворчалъ Тыринъ. — Навѣрное, какую-нибудь дѣвицу притащить.

— Идетъ! — весело крикнулъ Рѣзуновъ, влетая въ кабинетъ.
— Кто?!

— Онъ! Мужъ Дыбовичъ. Сейчасъ будешь здѣсь! Никто даже не успѣлъ высказать протеста противъ этого нѣтѣлого приглашенія. Послѣдніе дни у всѣхъ на устахъ было имя Ольги Дыбовичъ, убитой ея любовникомъ и его сообщникомъ — слугой этого любовника. Трупъ убитой былъ положанъ въ корзину, отправленъ въ Москву, и только тамъ, на вокзалѣ, преступленіе раскрылось. Слѣдствіе скоро добралось до источниковъ преступленія, и любовникъ Темерницкій, вмѣстѣ со слугой Мракинымъ, были арестованы.

Большинство людей, пировавшихъ въ кабинетъ ресторана, было недовольно неумѣстной выходкой Рѣзунова, притащившаго несчастнаго мужа убитой напоказъ празднымъ людямъ, а двое-трое, наоборотъ, съ жаднымъ любопытствомъ впились глазами въ лицо, вошедшаго за Рѣзуновымъ, господина.

Лицо было розовое, круглое, съ рѣдкими свѣтлыми усиками и выцвѣтшими голубыми глазами. Толстыя губы не совсѣмъ прикрывали два ряда крупныхъ неровныхъ зубовъ.

Держался онъ неспокойно, все время нервно вертя головой направо и налево.

Когда онъ обходилъ столъ, пожимая всѣмъ руки и повторяя каждый разъ: «Дыбовичъ, Дыбовичъ, Дыбовичъ» ..., всѣ деликатно сдѣлали видъ, что не обращаютъ вниманія на эту фамилію, такъ зловѣщѣ звучащую уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Но Рѣзуновъ, ревниво слѣдившій за успѣхомъ своего «номера», замѣтилъ эту деликатность. Очевидно, онъ находилъ ее не соотвѣтствовавшей его программѣ, потому что сейчасъ же громко и развязно заявилъ:

— Это, господа, тотъ Дыбовичъ, у котораго жену въ корзинѣ нашли убитую. Вы, конечно, всѣ слѣдили за этимъ дѣломъ?

Два пріятеля, сидѣвшіе по бокамъ Рѣзунова, энергично толкнули его въ бокъ, но онъ отмахнулся отъ нихъ и продолжалъ:

— Какъ же, какъ же! Нашумѣвшее дѣльце. Ты, Дыбовичъ, небось совсѣмъ и не думалъ, что въ такія знаменитости попадешь? ..

Всѣ притихли, какъ передъ грозой, опасливо слѣдя за фруктовымъ ножомъ, который вертѣлъ въ рукахъ Дыбовичъ, усѣвшійся между Тыринымъ и Капитанаки.

Дыбовичъ улыбнулся, положилъ ножъ и махнулъ рукой.

— Ну, ужъ тоже... Нашель знаменитость. Гдѣ намъ ... Мы люди маленькие.

— Послушайте, — тихо спросилъ, наклоняясь къ нему, Тыринъ. — Онъ вѣдь мистифицируетъ насъ, а? Вы не Дыбовичъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы... Я Дыбовичъ!

— Но, вѣроятно, однофамилецъ?

— Помилуйте, — горячо воскликнулъ Дыбовичъ. — Какой тамъ однофамилецъ. Я настоящій Дыбовичъ... Тотъ самый, у котораго жену убили. Да вы, вѣроятно, меня видѣли на судѣ! Я свидѣтелемъ былъ.

— Я на судѣ не былъ.

— Не бы-ли?!. — ахнулъ Дыбовичъ, нервно крутя желтые усики.—Да какъ же вы такъ это!... Вотъ странно.

И лицо его приняло обиженное выраженіе, какъ у актера, который услышалъ отъ пріятеля, что тотъ не попалъ на его бенефисъ.

— Неужели не были? Удивительно! Одинъ изъ самыхъ сенсаціонныхъ процессовъ. Интереснѣйшее дѣло! Господа, кто изъ васъ былъ на судѣ?

— Я ... — несмѣло отозвался Капитанаки.

— Вы меня тамъ видѣли?

— Да... видѣлъ. Вы давали показаніе по поводу ... друга ... вашей жены.

Молодой Дыбовичъ сдѣлалъ рукой торжествующій жестъ.

— Ну, вотъ, ну вотъ ... Видите! А вы говорите — не тотъ Дыбовичъ!.. Зачѣмъ же мнѣ обманывать васъ?

Минута неловкаго молчанія была прервана деликатнымъ Тыринымъ, рѣшившимъ, что необходимо сказать хоть что-нибудь.

— Ужасная трагедія, — прошепталъ онъ. — Вы, вѣроятно, переживали глубокую душевную драму?

— А еще бы не глубокую! Это хоть кому доведись такая исторія... Жена... Гдѣ жена? Нѣть! Вотъ-съ только куски въ чемоданѣ — извольте вамъ! Получайте! Прямо подохнуть можно. Самое ужасное, что эти идіоты сыщики стали первымъ долгомъ слѣдить за мной ... Какъ вамъ это понравится? Положеньице! Я на поѣздъ — они на поѣздъ, я въ гостиницу — они; въ гостиницу.

— Тяжелая исторія, — вздохнулъ Тыринъ. — Звѣриное время.

— Еще бы не тяжелое, — возмущенно сказалъ Дыбовичъ. — Подумайте, какіе мерзавцы: убить женщину, разрѣзать на куски и отправить въ Москву. Свинство, которому имени нѣть. Показываютъ корзину: «Ваша жена?» — «Моя». Положеньице!

Снова всѣ замолчали.

Капитанаки закурилъ новую сигару и тутъ же замѣтилъ, съ цѣлью развеселить присутствующихъ:

— Смотрите-ка, окно открыто. Можно выпрыгнуть и убѣжать, не заплативъ по счету.

Покачавъ сокрущенно головой, Дыбовичъ сказалъ:

— Да-съ... Такое-то дѣло ... Взяли и убили. И какое дьявольское самообладаніе! Цѣлую недѣлю не сдавались, пока ихъ не уличили.

— Вы знали Темерницкаго? — спросилъ Капитанаки Дыбовичъ оживился.

— Какъ же, какъ же! Какъ теперь вотъ съ вами сижу, — съ нимъ сидѣлъ. Помилуйте! Пріятелями были. Онъ отхлебнулъ глотокъ вина и сурово добавилъ:

— Ска-атина.

II.

Въ дверь постучались.

— Это Хромоноговъ, — сказалъ Капитанаки. — Вѣчно онъ опаздываетъ.

Дѣйствительно, Хромоноговъ вошелъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ, похлопывая пріятелей по плечамъ, пожимая руки.

— Вы, господа, кажется, незнакомы, — сказалъ Тыринъ, указывая на Дыбовича. — Это Дыбовичъ, это — Хромоноговъ.

— Дыбовичъ, — значительно подчеркнулъ Дыбовичъ, глядя Хромоногову прямо въ глаза. — Дыбовичъ!

— Очень радъ, — сказалъ Хромоноговъ, опускаясь на стулъ.

Тыринъ не могъ не замѣтить выраженія легкаго разочарованія въ лицѣ Дыбовича послѣ такого хладнокровнаго отношенія Хромоногова къ его имени.

Поэтому деликатный Тыринъ мягко замѣтилъ:

— Это, милый Хромоноговъ, тотъ самый Дыбовичъ, въ семье котораго случилось такое тяжелое несчастье. Знаешь, нашумѣвшее дѣло Ольги Дыбовичъ.

— А-а, — неопределенно протянулъ Хромоноговъ и тутъ же, наклонившись къ сосѣду, прошепталъ:

— Что за толстокожая свинья этотъ Тыринъ!! Ставить несчастнаго человѣка въ такое невыносимое положеніе... Какъ можно кричать громогласно веселымъ голосомъ на весь столь! Никакого участія къ человѣку, несущему такое тяжелое бремя ужаса ...

Но «человѣкъ, несущій тяжелое бремя ужаса», сразу оживился, когда упомянули его имя.

— Да, да, — захлопоталъ онъ. — Ужасное дѣло, не правда ли? Убили, дѣйствительно, убили... Какъ же! И трупъ въ корзину засунули. Не негодяи ли? Что имъ Женщина худого сдѣлала? А вѣдь я, представьте, этого Мишку Темерницкаго, вотъ какъ его, Рѣзунова, зналь.

— Пожалуйста, безъ сравненій, — засмѣялся Рѣзуновъ. — Я трупы въ чемоданахъ не экспортирую.

— Кошмарное дѣло, — прошепталъ Хромоноговъ;

— Еще бы не кошмарное! Не правда ли? А мое-то тоже положеніе: исчезаетъ жена. Что такое, гдѣ, по чому — неизвѣстно. И вдругъ — на тебѣ! Пожалуйте — трупъ въ корзинѣ. Положеніе — хуже губернаторскаго!..

— Слушай... — шутливо перебилъ его Рѣзуновъ. — А, можетъ быть, это ты ее убилъ, а? Признайся.

— Ты говоришь, братецъ мой, чистѣйшую ерунду, — горячо возразилъ Дыбовичъ. — Ну, посудите сами, господа, — зачѣмъ мнѣ ее было убивать? Денегъ она не имѣеть, на костюмы тратила немного — зачѣмъ ее убивать? Меня и слѣдователь, когда допрашивалъ, такъ прямо сказалъ, что это только для проформы.

— А, все-таки, — подмигнулъ Тырину Рѣзуновъ, — публика къ Темерницкому на судѣ относила съ большими интересами, чѣмъ къ тебѣ.